
ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дробот Г. А.

д. полит. н., доцент факультета глобальных процессов

МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: gdrobot@mail.ru

Проблема глобального управления стала одной из важных теоретических проблем современного мира уже более двух десятилетий назад. На эту тему написаны многочисленные труды. В настоящей статье анонсируется в критическом ключе статья А. Н. Чумакова «Глобальный мир: проблема управления». Автор исходит из того, что ученые-глобалисты делятся на глобалистов-оптимистов и глобалистов-пессимистов. К первым мы относим А. Н. Чумакова и подвергаем его концепцию критике с позиций парадигмы политического реализма теории международных отношений. О глобалистах-пессимистах в данном контексте речь не идет, хотя можно отметить, что к ним, например, относится С. Хантингтон.

Ключевые слова: *глобализация, глобальное управление, теория международных отношений, парадигма политического реализма, теория гегемонистской стабильности, глобальное общество, хаос.*

The global governance problem became one of the important theoretical questions of the modern world more than two decades ago. There are numerous works on this theme. In the present article the paper by A. N. Chumakov «The Global World: The Global Governance Problem» is announced in a critical manner. The author assumes that scientists specializing in globalization are divided into optimists and pessimists. We rate A. N. Chumakov among the first group and we criticize its concept from the standpoint of the political realism paradigm of the international relations theory. Here we do not discuss pessimists, though we can notice that S. Huntington, for example, is one of them.

Keywords: *globalization, global governance, the international relations theory, politic realism paradigm, hegemonic stability, global society, chaos.*

Данная статья написана под впечатлением от прочтения статьи А. Н. Чумакова «Глобальный мир: проблема управления», опубликованной в № 2 настоящего журнала в 2010 г. [Чумаков 2010]. У нас сразу возникло желание пополемизировать с автором, несмотря на уважение к его опыту одного из ведущих глобалистов России. Полемика будет вестись с позиций теории международных отношений (ТМО), а точнее, с точки зрения неореализма как одной из преобладающих парадигм этой теории. Сразу отметим, что с данных позиций то крыло глобалистики, которое представляет Чумаков (глобалистов-оптимистов), вызывает много критических замечаний.

Прежде чем перейти к существу спора, следует напомнить некоторые принципиальные положения ТМО. Один из основных вопросов ТМО может быть обозначен как проблема соотношения роли силы и права в жизни международного сообщества, а также как вопрос о неизбежности конфликтов и противоречий и их соотношения с сотрудничеством в международных отношениях. В истории ТМО это спор между представителями политического реализма (неореализма) и либерально-идеалистической парадигмы (неолиберализма). Наиболее жестко его обозначил еще в 1948 г. американский международник Ганс Моргентау в книге «Политика наций: борьба за влияние и мир»¹. Приблизительно 15 лет назад среди очень уважаемых американских представителей науки о международных отношениях (Р. Кохейн, Ст. Краснер и др.) возникла идея о сглаживании противоречия между двумя подходами, о некоей толерантности по отношению к идеологическому противнику. Понятно, что такая тенденция диктуется вполне объективными обстоятельствами – «объем» сотрудничества в мире возрастает на фоне традиционно присутствующих конфликтов. Однако встает другой вопрос: а как обстоит дело с противоположной тенденцией? Не меняют ли конфликты и международное насилие свои формы, *оставаясь важнейшей составляющей международной жизни*, поскольку *международное сообщество разнородно*, а это неизбежно вызывает противоречия и, следовательно, столкновения по этому поводу? Не рано ли хоронить спор между политическими реалистами и либералами? Статья А. Н. Чумакова наводит на мысль, что это время еще не пришло, что либерализм в его крайних, кантианских формах еще существует, а значит, требует ответа с позиций сегодняшнего дня.

* * *

В теоретико-методологическом плане концепция А. Н. Чумакова строится на двух «китах». **Первый «кит»** – понимание глобализации как потенциально бесконфликтного миросостояния. Цитируем Александра Николаевича: «...под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой...» [Чумаков 2010: 4]. Напомним, что понятие целостности означает появление свойства, присущего совокупности субъектов, несводимого к сумме их качеств. Другими словами, это то, что понимается под объективностью связей субъектов в системе.

Едва ли кто осмелится оспаривать тот факт, что сегодняшнее мировое сообщество более системно организовано и едино, чем 50, 100 и более лет назад. Но считать его «единой целостной системой», на наш взгляд, как минимум преувеличение. Кстати, сам Чумаков косвенно признает это, говоря, что без «эффективного управления» современный мир «будет... погружаться в пучину нарастающих конфликтов и противоречий» [Там же: 7]. Но что же это за целостная, связанная объективными узами система, которая только и может удержаться на определенной системе управления?

Отходя от этих логических противоречий в рассуждениях Чумакова, обратимся к реалиям международной жизни современного, глобализационного перио-

¹ Настоящая книга, к которой мы еще вернемся в данной статье, многократно переиздавалась в США [см., например: Morgenthau 1967].

да. Что мы видим? Да, сотрудничество и взаимозависимость охватывают все сферы жизни человечества, включая космическую. Кстати, космос – весьма показательная сфера сотрудничества. Когда произошел полет Ю. Гагарина в 1961 г., президент США Дж. Кеннеди выступил с заявлением, что США должны опередить СССР с высадкой человека на Луну. В Соединенных Штатах на это были брошены огромные средства, и Америка смогла обойти Советский Союз в этой космической гонке. Однако уже относительно скоро появляется советско-американский проект «Союз – Апполон», а сегодня практически все космические полеты носят интернациональный характер.

Однако развитие международного сотрудничества и процессов глобализации, к сожалению, идет параллельно с неумещающим количеством конфликтов, насилия и противоречий в современном мире. И едва ли их сможет умерить предлагаемая Александром Николаевичем система глобального управления, потому что они носят объективный характер.

Одной из наиболее адекватных современным конфликтам нового поколения [Лебедева 2006: гл. 9] теорий является теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [2003]. Смысл ее состоит в том, что политико-идеологические противостояния, характерные для холодной войны, оказались менее жизнеспособными (они ушли), чем культурно-цивилизационные, которые «дремали» в период противостояния двух систем, но не умерли, так как являются более жизнестойкими, чем идеологическое противоборство.

В этой связи имеет смысл упомянуть точку зрения, высказанную, в частности, К. Косачевым – председателем думского комитета по международным отношениям, о том, что прохладные отношения России и Запада в настоящее время, несмотря на окончание холодной войны, связаны именно с цивилизационными различиями. Две разные цивилизации не могут понять друг друга и приспособиться друг к другу.

Помимо глубинных цивилизационных противоречий сам процесс глобализации, протекающий в форме вестернизации, порождает, так сказать, «новые» цивилизационные конфликты в современном мире. Замедленный процесс общественной модернизации в России не в последнюю очередь связан с потенциально протестным отношением российских граждан к западным формам обустройства жизни, генетической приверженностью солидаристскому общественному устройству. Навязывание западной, либеральной модели развития вызывает еще более сильный протест в других странах – Афганистане, Ираке, где присутствие американских войск приводит не только к острому политическому, но и к ментальному протесту.

Цивилизационный фактор является одной из причин всплеска исламистского терроризма в современном мире: общественное мнение исламских государств восстает против доминирования в современном мире западных стран. Действующие там исламисты-фундаменталисты доказывают, что ислам – древнейшая религия, породившая многие духовные и материальные ценности, и прозябание на периферии мировой цивилизации не отвечает ее вкладу в копилку мировых ценностей. Как известно, борьба с международным исламистским терроризмом – дело очень сложное, а по мнению ряда экспертов – почти безнадежное. Как считает известный российский исламовед Г. Мирский, если терроризм сам собой через какое-то время (по закону цикличности) не сойдет на нет, цивилизованное сооб-

щество либо проиграет борьбу с ним, либо будет вести эту борьбу без надежды на победу весь XXI в. Причиной тому является актуализация наиболее острых аспектов противостояния Запада и мусульманского мира. И эта актуализация произошла именно в эпоху глобализации.

Все названное выше – цивилизационные противоречия, существующие в глобализированном мире. Но это еще далеко не все фундаментальные противоречия, которые ему присущи.

В рамках концепции неомарксизма – противоречий центра и периферии – рассуждает выдающийся социолог современности И. Валлерстайн. Если предельно сжато сформулировать его идеи, то они сводятся к тому, что взаимоотношения между развитыми (Центр) и развивающимися (Периферия) странами носят антагонистический характер и это противоречие имеет тенденцию к обострению. Кстати, заметим, что концепция неомарксизма в анализе современного миропорядка весьма популярна у российских обществоведов.

Рассмотрим аргументы Валлерстайна более подробно.

Во-первых, как социолог он рассуждает о долгосрочных социальных тенденциях в современном мире. Вопреки распространенному мнению, Валлерстайн утверждает, что холодная война закончилась не победой, а историческим поражением либерализма, поскольку он предрекает свертывание всех завоеваний социального либерализма и демократии в развитых странах. Причина – в нарастающей миграции из стран Юга.

Представление К. Маркса о том, что целью пролетариата является уничтожение капитализма, не соответствует современным условиям. В настоящее время под пролетариатом в рамках мир-системы понимается все население стран периферии. Современный пролетариат – население стран Юга – хочет не уничтожения капитализма, а жить при капитализме. Поскольку это невозможно, возникает массовая миграция.

Для сдерживания массовой миграции будут принесены в жертву права человека. Но поскольку миграцию полностью остановить невозможно, усилится безработица среди коренного населения стран Запада и снизится заработная плата. Это неизбежно спровоцирует конфликты между коренным населением и мигрантами. Возрастет уголовная преступность, которая потребует расходов на обеспечение безопасности, что, в свою очередь, скажется на уровне жизни. По мнению Валлерстайна, к середине XXI в. уровень жизни в США может приблизиться или даже стать ниже того, который был на рубеже 80–90-х гг. XX в. [Мировая... 2005: п. 6.4].

Прогноз Валлерстайна подтверждается на наших глазах. Демократические революции в Северной Африке имели следствием массовую миграцию в Европу, от которой она не знает, как избавиться, и готова пересмотреть в этой связи Шенгенское соглашение.

Во-вторых, Валлерстайн рассуждает о предстоящей политической динамике мира. По его мнению, нестабильными будут отношения внутри ядра мир-системы. Войдут в противоречие три основных центра силы – США, Япония и объединенная Европа. В последующем он предрекает объединение США и Японии в один блок, имеющий антиевропейскую направленность. К этому блоку, вероятно, привлекут Китай. Противовесом будет создание российско-европейского блока.

Создание этих блоков станет ответом на угрозы, исходящие от государств Юга. Уже в начале XXI в. можно ожидать прямых нападений государств маргинализованного, бедного и отсталого Юга на богатый Север, а также захватнических войн между самими государствами Юга (может быть, с применением ядерного оружия) [Мировая... 2005: п. 6.4].

Как видим, прогноз развития глобализованного мира выдающегося ученого далеко не радужный. Скорее, наоборот. По его мнению, противоречия будут только нарастать. Заметим, что прогноз не расходится с фактами и подтверждается вполне реальными данными. Живя в Северном полушарии, а конкретнее – в Европе, мы в России не очень ясно представляем себе проблемы стран периферии. Между тем имеет место не просто разрыв между уровнями развития центра и периферии, а *тенденция увеличения этого разрыва*, или, образно говоря, ножницы между уровнями разрыва. Вот как менялось за последние полвека соотношение между уровнями развития 20 % наиболее бедной и 20 % наиболее богатой частей населения Земли: 1960 г. – 1:13; 1991 г. – 1:60; 1999 г. – 1:74; 2008 г. – 1:100.

Таким образом, идея Чумакова о «единой целостной системе» современного миропорядка как минимум спорна. Мир полон противоречий, которые к тому же имеют тенденцию обостряться. Мы назвали только некоторые из них. А значит, спорна и идея о реализации некоего наднационального механизма управления не только сейчас, но и в обозримом будущем.

Второй «кит» методологии концепции Чумакова – роль морали и права в управлении общественными системами. Обратимся опять к словам Александра Николаевича: «...главными инструментами, посредством которых осуществляется наибольшее воздействие на общественное сознание и поведение людей, являются *мораль* и *право*. Следует также выделить *идеологию*, *политику*, *экономику*, *финансы*, *культуру* и т. п., посредством которых прямо или косвенно также осуществляется управление общественными системами. Но в ряду этих факторов *мораль* и *право*, безусловно, доминируют...» [Чумаков 2010: 9].

В данном случае напрашивается обращение к теории международных отношений, а конкретно – к первому «большому спору» в рамках этой теории (всего их было три), посвященному сути международных отношений (он проходил еще в 1930–1950 гг.). Спор шел о природе международных отношений: что в них играет определяющую роль – сила или право? Сторонники политического реализма в лице Р. Нибура, Ф. Шумана и главным образом классика политического реализма Г. Моргентау доказывали, что именно непродуманная приверженность международному праву (в рамках практики «умиротворения агрессора») привела ко Второй мировой войне. В 1948 г. Г. Моргентау в своем классическом труде «Политика наций: борьба за влияние и мир» доказывал, что если страны не придерживаются принципа определения национального интереса через категорию борьбы за влияние, они неизбежно проигрывают в своей внешней политике. Политические реалисты утверждали (и утверждают до сих пор), что основным принципом внешней политики государства является «интерес, определенный в категориях влияния (power)». Моргентау уделяет подчеркнутое внимание критике позиции «морализма-легализма» (то есть позиции приверженности праву и морали как регуляторам международных отношений; в современной трактовке – либерального идеализма). Он утверждает, что каждая сфера международной жизни имеет свои правила и их нельзя смешивать. Так, нельзя применять нравственные нормы

к мировой политике или нормы мировой политики к международной экономике. Смещение принципов ведет к провалам и неудачам в практической деятельности. Основным недостатком деятельности тех, кто руководствуется в своей политике преимущественно морально-правовыми принципами, состоит в том, что они лишаются союзников, терпят поражение от противников и теряют ориентиры в реализации национальных интересов.

Еще один значимый недостаток морально-этического регулирования международных отношений отмечается отечественными экспертами. Как пишет известный международник М. А. Хрусталева, слабость данного регулирования состоит в том, что «в мире существовали и продолжают существовать различия в трактовке принципов морали и нравственности. Так, например, одним из ключевых принципов марксизма-ленинизма было положение о классовой природе морали и оправдании любых действий во имя победы в классовой борьбе (“революционная целесообразность”). В сущности, это тезис всех экстремистов: “цель оправдывает средства”» [Современная... 2009: 107].

В своих рассуждениях Чумаков явно не соответствует классическому политическому реализму Моргентау и отечественному ученому Хрусталева, а, скорее, приближается к позиции И. Канта – одного из основателей либерально-идеалистической парадигмы в теории международных отношений.

В своей известной статье «К вечному миру» Кант [1966] исходит из возможности достижения бесконфликтного мира в международных отношениях. Бесконфликтный мир видится ему как глобальная республика с универсальным гражданством, в которой отношения между отдельными частями строятся на международном праве. Фактически Кант имеет в виду стирание государственных границ и создание единого глобального государства-республики.

Для нашего рассуждения об идеях статьи Чумакова и их связанности с мыслями Канта важно, как Кант обосновывал возможности достижения такого «мирного» мироустройства. Кант разделяет свои аргументы на философские («чистый разум») и практические («практический разум»). Будучи верен своей философской доктрине, он утверждает, что «политические максимы... должны исходить не из благополучия и счастья каждого государства... следовательно, не из цели, которую ставит перед собой каждое из этих государств (не из желания), как высшего (но эмпирического) принципа государственной мудрости, а из чистого понятия правового долга (из *долженствования*, принцип которого дан *a priori* чистым разумом)» [Там же: 300]. Кант называл этот философский принцип категорическим императивом, данным каждому человеку в силу его естественного состояния. Если современный человек не следует ему, то лишь в силу порочности человеческой природы.

Нравственный категорический императив Канта вполне согласуется с утверждением Чумакова о том, что «право и мораль, безусловно, доминируют».

«Практический разум» Канта был намного реалистичней. Следуя ему, великий философ указывает на следующие предпосылки мира: культуру как «великий объединяющий фактор», «дух торговли, который несовместим с войной» и военно-политическое сотрудничество против агрессора. Пускай эти сентенции не вполне выдерживают всесторонней критики, но важно, что Кант отмечал их значение. В этой связи следует отметить, что Чумаков оказался более идеалистом, чем Кант, заявив, что мораль и право превосходят по своей значимости экономику, политику, финансы, культуру.

Перейдем от теоретико-методологических посылок А. Н. Чумакова к тому, как ему конкретно видится глобальное управление и какие предпосылки ученый находит для его становления уже сегодня.

Наиболее оптимальной формой организации общественной жизни, пригодной для глобального управления на обозримую перспективу, по мнению Александра Николаевича, является конфедерация национальных государств. Он пишет: «Непростой, но в целом позитивный опыт Европейского союза дает основания для определенного оптимизма в решении этого вопроса» [Чумаков 2010: 13]. По нашему мнению, позитив опыта ЕС явно преувеличен и излишне глобализирован. Интеграция Европейского союза застопорилась как раз на том этапе, когда речь зашла о переходе к конфедерации. Пока процесс интеграции касался экономических проблем, все шло более или менее гладко. Как только вопрос встал о политической интеграции, начались проблемы. Это проявилось еще на этапе принятия Маастрихтского договора (прецедент Дании), в последующем в процессе попытки принятия Евроконституции (окончившейся неудачей), далее – ратификации Лиссабонского договора по политической интеграции (прецедент Ирландии). Другими словами, опыт Европы как раз говорит о том, что политическое единство в отличие от социально-экономического весьма призрачно, так как труднопреодолимы различия в национальной идентичности (даже в Европе!) и национальных интересах. В настоящее время процесс евроинтеграции находится в состоянии стагнации. А ведь Европа – уникальный регион в смысле интеграционной продвинутости. Что же тогда говорить обо всем мире в целом!

Дальнейшие рассуждения Чумакова об организационных основах мирополитического единства также вызывают немало вопросов.

Вопрос о Всеобщей декларации прав человека 1948 г. как возможной основе Всемирной конституции [Там же] наталкивается на проблему рекомендательного, а не обязательного характера данной декларации и значительного расхождения в мировом сообществе в трактовке прав человека. Даже обязывающие Пакты о правах человека 1966 г. подписаны немногим более половины государств. Западная доктрина о правах человека, лежащая в основе как Всеобщей декларации, так и Пактов, не признается многими восточными обществами.

Что касается Мирового парламента в лице ООН, то сам Чумаков признает, что эта организация требует «серьезного реформирования», чтобы придать ей функции глобальной законодательной власти [Там же]. Насколько этот вопрос серьезен, не стоит говорить подробно. Достаточно сослаться на то, что в условиях холодной войны деятельность ООН была крайне затруднена в силу политико-идеологических противоречий между двумя мировыми центрами силы. Тогда же, в разгар биполярной конфронтации, в эмбриональном состоянии заработал новый центр глобального регулирования – «Семерка» («Группа семи»). В настоящее время международный имидж ООН невысок: американцы чуть ли не постоянно заявляют о выходе из этой организации, некоторые ее решения не поддерживаются большинством международного сообщества (например, решение о воздушной блокаде Ливии 2011 г.), организация мало подвержена реформированию, так как ее структура отражает реалии прошлой эпохи.

Роль исполнительной власти Чумаков прочит либо «Большой семерке», либо «Большой двадцатке», оговариваясь, что эта ветвь глобальной власти будет все же формироваться практически с нуля [Там же: 14]. Стоит полностью согласиться

с Александром Николаевичем относительно нулевого уровня Мирового правительства и высказать сомнения, что обозначенные выше структуры в обозримом будущем смогут стать глобальными центрами власти. Что касается «Семерки» (в настоящее время – «Восьмерки»), то ее внутренние противоречия между основными участниками очевидны – это все несогласия по поводу военно-стратегических вопросов в Европе, по вопросам признания (или непризнания) сепаратистских регионов, газотранспортным проблемам и т. д. Наверное, еще больше разногласий было только у членов «Двадцатки» на пике экономического кризиса 2008–2009 гг. Достаточно сказать, что коллективное решение о сдерживании протекционизма не реализовал практически никто, включая Россию.

Наконец, Чумаковым поставлен вопрос о глобальной судебной системе, ассоциируемой им с Гаагским трибуналом и Европейским судом по правам человека [Чумаков 2010: 14]. Вопрос также весьма неоднозначный. Что касается Гаагского трибунала по бывшей Югославии, то известна его предвзятость, ориентированность в сторону мусульманского населения в ущерб сербам. То есть речь идет о политической ангажированности таких судебных структур, как Гаагский трибунал, что, видимо, неизбежно, когда поднимаются международные проблемы. В отношении Европейского суда трудно высказать что-то критическое (за исключением того, что попасть в него крайне непросто), однако этот суд – региональный, а Европа, как отмечалось выше – особый регион, «особый случай» в международных отношениях, который не следует «глобализировать».

В теоретическом отношении предложения Чумакова по глобальному управлению вписываются в его *институционально-нормативную модель*, описанную в литературе по международным отношениям преимущественно с критических позиций. Так, отталкиваясь от классического положения о том, что в международных отношениях с древнейших времен существует два типа управления – право и сила [Morgenthau 1967: 219], Д. М. Темников пишет: «...регулирование посредством норм никогда не было преобладающим, а всегда было сопутствующей, альтернативной формой процесса силового регулирования», и даже в современных условиях, отмеченных процессами глобализации, «противопоставлять норму и силу в качестве инструментов воздействия на мировые процессы, как представляется, можно лишь условно» [Темников 2011: 78].

Между тем среди наиболее очевидных сегодняшних предпосылок для формирования глобального управления Чумаков называет общественное сознание, «которое под влиянием многоаспектной глобализации все больше становится общечеловеческим, планетарным» [Чумаков 2010: 11]. Мы не будем приводить многочисленные примеры, противоречащие данному утверждению. Сошлемся только на свой многолетний опыт работы на социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и собственные конкретные социологические исследования [Дробот 1995; 1996], которые свидетельствуют: никакого общечеловеческого сознания как не существует сейчас, так не будет существовать и в обозримой перспективе. Общественное сознание дифференцировано и обусловлено конкретными условиями существования социальных групп и индивидов. Во многом оно противоречиво: не совпадают интересы жителей стран центра и периферии, коренного населения и мигрантов во многих странах, преобладающего населения страны и населения сепаратистских регионов и пр.

* * *

Перейдем от критической части наших рассуждений к их позитивной составляющей. Что же представляет собой (или может представлять) управление в современном глобальном мире?

Начнем с упоминания о том, что новое понятие «глобальное управление» (англ.: *global governance*) появилось к концу XX в. в связи с завершением эпохи биполярности, развитием процессов глобализации и усилением внимания к тому, как же будут регулироваться и управляться мирополитические процессы в новых условиях. Появляется несколько концепций глобального управления, одну из которых мы уже упомянули выше (институционально-нормативная). Это по преимуществу умозрительная модель, так как она никогда не была реализована на практике. Мы пойдем по пути исторического анализа, пытаясь пролонгировать в будущее реальные международные тенденции.

1990-е – начало 2000-х гг. были отмечены доминированием США как единственной и ведущей глобальной державы мира, или, говоря другими словами, однополярностью мира. Это был тип глобального управления, который в американской литературе по международным отношениям был давно описан под названием *теории гегемонистской стабильности*. Одним из наиболее активных ее адептов сегодня является З. Бжезинский [2005]. Ее суть состоит в том, что наличие одного ведущего государства-игрока в мире (американцы имеют в виду, конечно, себя) способствует стабильности и минимальной конфликтности.

Однако следует принять во внимание, что теория гегемонистской стабильности показывает возможности лидерства лишь в одной из областей – экономической. Одновременное навязывание правил поведения во всех сферах политической, экономической и культурной жизни вызывает, как правило, резкое неприятие со стороны других участников международного взаимодействия, что мы и могли наблюдать в связи с ростом антиамериканских настроений по всему миру.

Тенденция к централизации международной системы сразу после распада Советского Союза стала ослабевать в середине 2000-х гг. Хотя превосходство Соединенных Штатов не оспаривается, сами они, начав с 2001 и 2003 гг. войны в Афганистане и Ираке, стали терять уверенность. Со сменой администрации в Вашингтоне в январе 2009 г. воинственные речи американских политиков стали реже, а сама американская политика – немного осмотрительнее. Возникли признаки намерения США внести коррективы в свое внешнеполитическое поведение. Амбиции вряд ли стали меньше, но жизнь вынуждает проявлять благоразумие и склонность хотя бы выслушивать мнения союзников, прежде всего натовских.

Начавшись в 2003 г. как второстепенная по военному значению, авантюра в Ираке спровоцировала неожиданно обширный политико-дипломатический раскол мира. В 2004–2008 гг. он приобрел черты оппозиции большинства ведущих стран американской политике односторонних действий, и это превратилось в тенденцию к *децентрализации* мировой системы. Международные условия американского лидерства значительно сузились.

Важным дополнением к вышеприведенному утверждению является то, что децентрализация мировой системы явилась следствием не только амбициозных проектов американской внешней политики, но и объективных процессов в мировой системе, а именно – усиления ее полицентричности. Речь идет о возможном участии в глобальном управлении не только государств и межгосударственных образований, но и негосударственных акторов. Именно об этом говорят сторон-

ники идеи *мирового общества* (по аналогии с внутригосударственным обществом), такие как Э. Хаас, Дж. Грум, Дж. Бёртон и другие.

Значительным толчком к развитию идеи глобального управления в рамках глобального общества послужила вышедшая в 1992 г. под редакцией Дж. Розенау (J. Rosenau) и Е.-О. Щемпеля (E.-O. Szepiel) книга «Управление без правительства: порядок и изменение в мировой политике» («Governance without Government: Order and Change in World Politics»). В ней обсуждаются вопросы механизма такого управления. В работе «Турбулентия в мировой политике» («Turbulence in World Politics»), появившейся на два года раньше, Дж. Розенау пишет о том, что управление – это система правил, типичная для всех видов человеческой деятельности. В его понимании сегодня она охватывает деятельность различных правительств, но включает множество других структур и групп. Словосочетание «глобальное управление без глобального правительства» («global governance without global government») сейчас вошло в обиход ученых-международников и подразумевает множественные сети, включающие в себя форумы, конгрессы, съезды и совещания, проводимые государственными и негосударственными акторами по самым различным вопросам миропорядка, а также деятельность международных организаций – меж- и неправительственных. Именно к такой форме глобального управления, по нашему мнению, стремится современное международное сообщество на фоне завершения глобальной однополярности.

С приведенными выше мнениями согласуется новое понятие, вводимое в научный оборот американским ученым Р. Хаасом, – «беспольное общество». Это понятие интересно тем, что выводит на ключевую особенность современного глобального управления. «В отличие от многополярности, – пишет Р. Хаас, – которая подразумевает несколько четко выраженных полюсов или центров сосредоточия силы, беспольная система международных отношений характеризуется наличием многочисленных центров, обладающих значительной мощностью» [Хаас 2008]. Он перечисляет эти центры: глобальные и региональные державы, различного рода международные организации, крупные международные компании, международные сети СМИ, военизированные нелегитимные формирования, наркокартели, индивиды и проч. «Власть сейчас рассредоточена – она находится в разных местах и руках». И вот самое главное: «Когда так много акторов обладают значительной силой и пытаются оказывать влияние, труднее организовать коллективные действия и заставить организации работать» [Там же]. Другими словами, современная международная система трудноуправляема и скорее хаотична, несмотря на систему «глобального управления без глобального правительства». Последнее, скорее, больше сочетается с хаосом, чем с порядком.

Данный подход к современному глобальному управлению разделяется не только зарубежными, но и отечественными экспертами-международниками. Приведем несколько цитат из работы «Мировая политика» профессора МГИМО (У) М. М. Лебедевой: при анализе современной структуры глобального управления выделяется «большая ее пестрота»; «складывающиеся глобальные управленческие связи не являются иерархическими, как они существуют внутри государства»; «современная политика основана на выработке коллективных решений через множество различных согласований разного уровня»; в современной мировой политике «согласованность действий» «часто не достигается в силу различных причин, в том числе из-за слишком большого числа вовлеченных в процесс акторов» [Лебедева 2006: 337–338]. Опять видим ту же идею – о том, что современный мир трудноуправляем.

Однако в контексте нашей статьи мы должны поставить вопрос: если современный мир такой неуправляемый, то, возможно, через какое-то обозримое время удастся достигнуть большего прогресса в этом вопросе? К разочарованию глобалистов-оптимистов придется сказать, что среднесрочные прогнозы в области международных отношений имеют скорее негативный характер. Такие прогнозы строят, например, отечественные экономисты-международники. Так, В. Л. Иноземцев склонен полагать, что имеются все предпосылки к тому, что после утраты Соединенными Штатами экономического и финансового доминирования новым номером один окажется КНР. Такой вывод напрашивается, в частности, если исходить из результатов глобального экономического кризиса. Будет ли это новой однополярностью или, скорее, новой bipolarностью – покажет будущее. В любом случае, Иноземцев не верит, что США с характерными для них (по крайней мере в XX столетии) мессианской идеологией и историей спокойно и беспристрастно будут наблюдать за возвышением Китая, превращением его в крупнейшую экономику мира, укреплением ШОС, формированием китайской зоны влияния в Южной Азии и Индийском океане [Иноземцев 2009]. Вывод один – мир ждет нестабильность.

Еще один негативный прогноз связан с идеей *аполярности*, или глобального вакуума власти, который придет на смену однополярности (Н. Фергюсон, Ф. Войтоловский)². От этого глобального беспорядка выиграют силы, намного более опасные, нежели соперничающие между собой великие державы. Речь может идти о резкой дестабилизации на Большом Ближнем Востоке, о неконтролируемом распространении ОМУ, беспредельном афганском наркотрафике, ощущении вседозволенности у исламистов. Допустимо предполагать рост вероятности локальных и крупных региональных войн. Ф. Войтоловский даже допускает, что переходный характер и нестабильность, присущие современной международно-политической системе, не исключают в более отдаленной перспективе возможность новой мировой войны [Войтоловский 2009].

В данном контексте важен вопрос о временных сроках прогноза. В мировой политике, где явления и процессы имеют самую разную природу, необходимо учитывать, по мнению Н. А. Косолапова, «модуль протяженности процесса, определяемый как средняя величина протяженности типового процесса данного класса» [Косолапов 1998: 68]. За абсолютный модуль продолжительности принимается период активной жизни человека или средняя граница смены поколений, которая составляет около 30 лет [Темников 2011: 84]. Следовательно, «заглядывать» далее чем на 30 лет вперед вряд ли разумно (хотя заметим, что великий социолог современности И. Валлерстайн делает некоторые свои прогнозы почти на 100 лет вперед. Но потому он и великий).

* * *

Хочется закончить наш спор с Александром Николаевичем Чумаковым на позитивной ноте. И для этого нет ничего лучшего, чем привести высказывание нашего с ним учителя, известного международника-политолога профессора П. А. Цыганкова, который нас примиряет. Он высказывает двойное суждение:

² Речь идет о том, что никакой полярный порядок не может сформироваться в ближайшем будущем: bipolarность закончилась, однополярность заканчивается, а multipolarность невозможна в обозримом будущем, исходя из ее классических характеристик (равнозначность по ресурсным показателям нескольких – не менее шести – центров силы).

«Становление нравственных универсалий и единых правовых норм отнюдь не является однонаправленной тенденцией, исход конфликта между глобальной солидарностью и партикулярной лояльностью не предопределен, и нет никаких серьезных оснований считать, что международное общество станет обществом универсальных ценностей и норм, преодолевших и оставивших истории ценности и нормы государств, этносов и культур. *И тем не менее названные попытки вовсе не обязательно обречены на неуспех* (курсив мой. – Г. Д.), так как в международных отношениях существует не только закон силы, но и закон взаимодействия и даже закон координации и согласования...» [Теория... 2002: 365–366].

Литература

- Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / пер. с англ. М., 2005.
- Войтоловский Ф. Нестабильность в мировой системе [Электронный ресурс] : Международные процессы. 2009. № 1. URL: www.intertrends.ru/nineteenth/002.htm
- Дробот Г. А. Будущее внешней политики России: анализ взглядов потенциальных преемников российской политической элиты // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 9. С. 98–103.
- Дробот Г. А. Внешнеполитические ориентации формирующейся российской элиты // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 9. С. 90–101.
- Иноземцев В. Л. Контуры посткризисного мира [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. 2009. № 3. URL: www.globalaffairs.ru/person/p_24
- Кант И. К вечному миру / И. Кант // Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966.
- Косолапов Н. А. Тема 4. Явление международных отношений: Историческая эволюция объекта анализа (введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 59–70.
- Лебедева М. М. Мировая политика: учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- Мировая политика и международные отношения / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. СПб., 2005.
- Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2009.
- Темников Д. М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М., 2011.
- Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганков. М., 2002.
- Хаас Р. Эпоха бесполярного мира [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. 2008. № 4. URL: www.globalaffairs.ru/number/n_11144
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.
- Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 4th ed. N. Y., 1967.